

Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-ти томах / под ред. Н.И.Толстого. – М., 1995. – Т. 1-3.

Тимофеев В.П. Фразеология диалектной личности. – Шадринск, 2003.

© Кулибаба Н.К., 2013

И.Н. Максимова

Екатеринбург

Изучение ойконимов Урала в психолингвистическом аспекте

Ключевые слова: оним, ойконим, диалектология, методика преподавания лексики, психолингвистический аспект исследования.

До недавнего времени в лингвистике для изучения топонимов в основном применялся так называемый онтологический подход. При этом материалом исследования служили «исключительно массивы онимов, взятые сами по себе, вне их соотносительности с языковым узусом носителя» [Бельшева, Матюхина, Рут 1999: 25]. На самом деле, как верно отмечают Н.Д. Голев и Л.М. Дмитриева, «и возникновение, и само существование, и развитие топонимической системы не осуществляются без опосредования сознания» [Голев, Дмитриева 2008: 6]. Поэтому в последние десятилетия актуальным становится антропоцентрический и психолингвистический подходы к языку и речи, в частности к такому явлению, как ономастикон. Данное направление представлено в трудах Е.Л. Березович, Н.Д. Голева, М.В. Голомидовой, Л.М. Дмитриевой, И.С. Карабулатовой, М.Э. Рут и др.

При помощи психолингвистических методов исследования выясняется, какое отражение находят наименования географических объектов в сознании носителей языка и каким образом выполняют свою главную номинативную функцию. Изучение топонимии региона в психолингвистическом аспекте, который предполагает взаимодействие языка и индивида, выявляет характер восприятия окружающего мира последним, поскольку, как известно, в языковой картине мира выделяются разные под-

системы, одной из них является топонимическая картина мира. При этом особая роль в ней принадлежит лексике, так как именно она наиболее тесно связана с действительностью, окружающей носителя языка, с членением этой действительности, выделением в ней отдельных объектов, на которых акцентировано внимание человека в связи с их практической, концептуальной значимостью.

Настоящая статья представляет результаты психолингвистического анализа восприятия ойконимов Урала современными диалектоносителями. Материалом исследования послужили названия населенных пунктов Нижнесергинского района Свердловской области и граничащих с ним территорий.

Средством изучения восприятия названий населенных пунктов стал психолингвистический эксперимент – изучение как вербальных ассоциаций на ойконимы, так и мотивирующих пояснений жителей района, устанавливающих связь названия с историей его происхождения или с конкретными свойствами объекта.

Гипотеза эксперимента основывалась на предположении о том, что для современных носителей языка топоним во многом является немотивированным номинативным знаком, выполняющим свою главную функцию – фиксацию объекта в пространстве. При выдвижении гипотезы мы опираемся на утверждение М.Э. Рут, которая, сопоставляя функционирование трех классов собственных имен – астронимов, антропонимов и топонимов, приходит к выводу, что последние «в наибольшей степени склонны к превращению в условные номинативные знаки» [Рут 2008: 111]. Профессор объясняет данную тенденцию наличием ряда факторов: довольно ощутимой изменчивостью очертаний земельных угодий и береговых линий озер, тенденцией к закреплению имени владельца в названии земельных участков и необходимостью выразить в названии существенные для землепользования признаки [Рут 2008: 111].

Считаем необходимым добавить к этому еще некоторые факторы, способствующие, на наш взгляд, превращению топонимов в условные номинативные знаки. Во-первых, это изменение природной среды региона – обмеление и исчезновение ручьев и

небольших рек, уменьшение численности животных и растений. Например, в окрестностях деревни Ольховка, получившей название от одноименного оронима, где произрастало большое количество ольхи, в настоящее время данный вид дерева встречается редко, в основном по берегам рек. На территории, окружающей поселок Рябчиково, птица рябчик практически не водится. Возле деревни Черемша когда-то существовали заросли дикого чеснока, теперь данное растение произрастает в небольших количествах. Во-вторых, обозначенное выше языковое явление объясняет и такой факт, как изменения социально-экономической жизни района – сокращение объемов производства, а в некоторых местах и исчезновение таких отраслей, как производство сельскохозяйственной и промышленной продукции, лесозаготовка. Например, поташные заводы, давшие название селу Поташка, существовали до начала XX века. В окрестностях деревни Овиновка давно не занимаются постройкой овинов. С середины XX века начали исчезать многие лесозаготовительные пункты – Андреевская заимка, лесокордон Бигильдяш, лесокордон Майдала и др.

Таким образом, все перечисленные выше факторы способствуют забвению внутренней формы топонима и могут являться причиной «народной» (ложной) этимологии.

Испытуемыми стали жители Нижнесергинского района Свердловской области – диалектоносители данной территории. В связи с тем, что коренным населением края были нерусские народы (манси, татары, башкиры) и около 30% ойконимов Нижнесергинского района имеют тюркское происхождение (данный факт учитывался при отборе стимулирующего материала), одним из основополагающих факторов стала национальная принадлежность испытуемых: в качестве респондентов выступили 13 человек русской и 13 человек татарской и башкирской национальностей. Также при отборе испытуемых учитывались длительность постоянного проживания на территории Нижнесергинского района, т.е. достаточно хорошая ориентацией в топонимическом пространстве, так называемая включенность носителя языка в топонимическую ситуацию, и возраст респондента, поскольку «картина мира как содержание действующего сознания строится человеком в течение всей его жизни» [Блох 2011: 114].

При отборе стимульного материала принимались во внимание следующие характеристики ойконимов: русское или иноязычное происхождение топонима и мотивированные свойства объектов. С учетом того, что набор стимулов должен быть сбалансирован по определенному признаку, одна половина слов-стимулов имела ясную внутреннюю форму, а другая половина – неясную внутреннюю форму.

При проведении свободного ассоциативного эксперимента испытуемым выдавался лист с перечнем слов-стимулов, расположенных в случайном порядке. Респонденты получали следующую инструкцию: «*Напишите первые пришедшие в голову слова на каждое из названий населенных пунктов Нижнесергинского района*».

Полученные в результате эксперимента данные позволили распределить ойконимы на две группы: ойконимы, получившие достаточное количество слов-реакций, и ойконимы, имеющие небольшое количество слов-реакций.

Первую группу составили всего 6 названий из 18: *Михайловск, Ольховка, Рябчиково Соколята, Солдатка, Черемша*. Данные слова имеют прозрачную внутреннюю форму, которая легко соотносится в сознании современных диалектоносителей с реалиями, окружающими их в повседневной жизни.

Данные полученных в результате эксперимента ассоциативных полей указывают на то, что ассоциативное ядро и ближнюю периферию составляют слова-реакции, лексически соотносимые с внутренней формой слов-стимулов. При этом ассоциативные пары отражают парадигматические связи, в частности родовые отношения: *Михайловск* – фамилия, *Ольховка* – дерево, *Рябчиково* – птица, *Соколята* – птица, *Черемша* – трава, а также синонимические отношения: *Солдатка* – воин. Подобные парадигматические реакции свидетельствуют о степени сформированности языковой системы. Следует отметить, что в данных ассоциативных полях присутствуют и слова-реакции, отражающие топонимическую принадлежность слов-стимулов: *Михайловск* – городок, завод, поселок; *Ольховка* – деревня; *Рябчиково* – деревня; *Солдатка* – город, воинская часть. Но расположены данные реакции в дальней периферии ассоциативных полей.

Другая ситуация наблюдается во второй группе ойконимов, которые, выступив в качестве слов-стимулов, получили наименьшее количество реакций. В большинстве ассоциативных полей данной группы ассоциативное ядро и ближнюю периферию составляют слова, называющие тип населенного пункта: *Акбаш* – деревня; *Артя-Шигири* – деревня; *Возулка* – старая деревня; *Киргишаны* – деревня, село; *Контуганово* – деревня; *Накоряково* – деревня, село; *Новая Ельня* – деревня; *Овиновка* – старая деревня; *Перескачка* – станция, узловой перегон железной дороги; *Талица* – деревня. При этом большинство испытуемых не смогли дать вербальные ассоциации на предложенные слова-стимулы, что можно объяснить неясной внутренней формой как иноязычных названий (ойконимов тюркского происхождения и языка манси), так и слов, связанных с хозяйственными реалиями прошлого, не имеющими для современного носителя языка актуального значения (*Овиновка* – овин, *Поташка* – поташ). Как видим, вторая группа ойконимов, которые в качестве слов-стимулов имеют в основном «нулевой» характер реагирования, включает в себя большее количество названий, чем первая группа.

Данные результаты подтвердили выдвинутую нами гипотезу о том, что для современных диалектоносителей топоним во многом является немотивированным номинативным знаком. Таким образом, можно утверждать, что, выступая в качестве знаков-ориентиров, ойконимы чаще всего фиксируют в сознании человека лишь отражение географической действительности.

Помимо этого, результаты свободного ассоциативного эксперимента позволяют сделать ещё ряд важных наблюдений.

Как отмечалось выше, для функционирования топонима внутренняя форма неактуальна, поэтому она постепенно утрачивается. Для использующих географическое название диалектоносителей начальная семантика ойконима не всегда соответствует реальной. Так, если испытуемые среднего и старшего возраста объясняют происхождение топонима Овиновка в соответствии с этимологией слова («Колхозные сушилки», «Рядом были склады-сушильни для зерновых», «Место, где сушили зерно»), то представители молодого поколения предлагают трактовку, являющуюся продуктом ментальной деятельности, построенной на формаль-

но-фонетических связях слова-стимула и слова-реакции – «овин-овца»: «Место разведения овец», «Место для разведения домашнего скота».

На слово-стимул *Вогулка* ряд испытуемых дают реакции: *вогул, вогулы народ, народность вогулы, народ, народность* – и этимологически верно объясняют происхождение ойконима: «Поселение вогулов», «Название от народов манси», «На основании названия народности», «Давно жили вогулы», «В честь вогулов, народность». Но встречается и объяснение происхождения названия, основанное на формально-фонетических связях слова-стимула и слова-реакции – «Вогулка-гулять»: «Там любят гулять рыбаки. От слова гулять», «Рыболовное место, большое скопление рыбы. Можно разгуляться».

Интересной представляется также современная народная трактовка ойконима *Соколята*. Происхождение данного названия А.К. Матвеев связывает с распространенным на Урале названием Сокол, которым именуются горы и скалы. По мнению ученого, данное название не имеет прямого отношения к птице сокол, а являются красивой метафорой – «гора (скала), прекрасная (величественная), словно сокол» [Матвеев 2008: 250]. Испытуемые же дают иные объяснения. При наличии таких реакций на стимул «Соколята», как «птица 1б, сокол 2, птичка, птицы 1» закономерными представляются следующие трактовки происхождения ойконима: «Соколиные места», «Может, рядом живут соколы», «Водилось очень много лесных птиц», «Место, где много соколят», «Рядом были соколятники», «Возможно, там занимались разведением птиц», «Гнездовье соколов», «Много собирается соколов». Но помимо этого, ряд испытуемых дали следующие объяснения названия, связав его с прозвищем жителей деревни: «Называли жителей деревни “соколятами”», «Жили первопроходцы – “соколята”», «Много дружных жили людей командами. Назывались “соколята”».

Ойконим *Киргишаны*, происхождение которого ученые связывают с названием реки Киргишан – «дикая, полевая речка», у современных диалектоносителей имеет ложную, «народную» этимологию: «По имени основателя деревни – татарина Киргишана». Подобную трактовку названия испытуемые дают и ойкони-

му *Поташка*, связывая его происхождение с именами Потап или Поташ. Хотя на самом деле название деревни восходит к поташным заводам, действовавшим в свое время на территории района.

Подобные примеры свидетельствуют о наличии в сознании носителей языка определенных стереотипов, которые вырабатываются «в процессе восприятия, семантизации и интерпретации имени на фоне рядов имен» [Голев, Дмитриева 2008: 13]. В процессе понимания значения имени личность соотносит его с имеющимися в сознании стереотипами и подбирает из них подходящий, способный интегрировать новую информацию. Большое значение имеют в данной ситуации и личностные знания носителя языка, которые вбирают в себя и предшествующий индивидуальный опыт личности, и ее установки и намерения, эмоции и чувства.

Стереотипы – как «ментальные основания аналогии» – играют важную роль в построении и топонимической, и диалектной языковых картин мира. Они представляют собой «изменяющийся со временем комплекс стандартов восприятия окружающей действительности» [Голев, Дмитриева 2008: 13].

С течением времени изменения претерпевает как сама топонимическая картина мира, так и ментально-топонимические стереотипы. Как показывает история заселения территории современного Нижнесергинского района, на начальном этапе формирования ойконимии региона в языковом сознании жителей преобладал антропоцентрический стереотип (стереотип принадлежности объекта определенному лицу, чаще всего основателю населенного пункта) и стереотип пространственного соположения (положение объекта близ жизненно важных географических реалий – рек, озер, гор). Так, например, появились ойконимы *Акбаи*, *Аракаево*, *Шокурово* (от имени основателя) и *Атиг*, *Верхние* и *Нижние Серги*, *Верхний* и *Малый Ут*, *Уфа-Шигири* (от названий рек).

Впоследствии, после вторичного заселения региона на закрепленных за переселенцами участках и при активном освоении окружающего пространства обживающимися на новом месте людьми, на первый план выдвигается стереотип отражения

внутренней структуры, в котором основное внимание уделяется бытийной ценности объекта. Возникают названия, связанные с характером окружающей местности (*Березовка, Ключевая, Осиногорка, Сосновый Бор, Черемша* и др.) и хозяйственной деятельностью местных жителей (*Овиновка, Пчелиный, Плотиновские Печи, Поташка, Хомутовка* и др.). Хотя и антропоцентрический стереотип в это время не теряет своей актуальности: ряд населенных пунктов именуется по фамилиям русских переселенцев – *Бажуково, Зувка, Киселевка. Сажино, Чеботаево* и др.

Все вышесказанное убеждает нас в том, что анализ топонимической системы дает возможность проследить влияние исторических, природных и социальных условий на формирование как ментально-топонимических стереотипов, так и топонимической языковой картины в целом.

Таким образом, рассмотренный выше материал позволяет утверждать, что топонимическая языковая картина мира, являясь территориальным вариантом национальной языковой картины мира, отражает особенности мировосприятия, мировидения, мироощущения диалектного социума определенной территории. В таком случае психолингвистический подход к изучению такого явления, как ономастикон, и в частности топонимии, на сегодняшний день является перспективным.

Литература

Бельшева С.В., Матюхина А.С., Рут М.Э. Ономастикон и личность: аспекты проблемы // Язык. Система. Личность. – Екатеринбург, 1999.

Блох М.Я. Язык и мир // Вестник Российского философского общества. – 2011. – № 4 (60).

Голев Н.Д., Дмитриева Л.М. Единство онтологического и ментального бытия топонимической системы (к проблематике когнитивной топонимики) // Вопросы ономастики. – 2008. – № 5.

Матвеев А.К. Географические названия Урала: Топонимический словарь. – Екатеринбург, 2008.

Рут М.Э. Образная номинация в русской ономастике. – М., 2008.

© Максимова И.Н., 2013